ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Принадлежу я къ числу Московскихъ старожиловъ, такъ какъ съ Августа мѣсяца 1847 года, т.-е. съ поступленія въ университетъ, уѣзжалъ изъ Москвы только на короткіе сроки. Въ университетѣ былъ у меня добрый товарищъ Владимиръ Александровичъ Голицынскій, усерднѣйшій почитатель Филарета. Онъ не пропускалъ ни одной его службы и разъ только не могъ поспѣть къ ней по случаю экзаменовъ 15 Мая и пришелъ въ Архангельскій соборъ, когда Филаретъ шелъ уже къ своей каретѣ. Подойдя къ его благословенію, онъ услышалъ отъ него шопотомъ произнесенныя слова: «опоздали, опоздали!» Такихъ приверженцевъ у Филарета было немало. Голицынскій зналъ наизусть цѣлыя мѣста изъ его проповѣдей. Благодаря Голицынскому, и мнѣ неоднократно доводилось слышать эти проповѣди въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ произносилъ ихъ по тетрадкѣ, лежавшей на аналоѣ, въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, для чего надѣвалъ большія очки. Голосъ у него былъ слабый, но въ храмѣ водворялась полная тишина, и молящіеся могли не проронить ни одного слова. На пути къ выходу и къ своей каретѣ (запряженной шестью, попарно рослыми лошадьми и въ отличной сбруѣ) онъ долго возлагалъ на головы подходившихъ мощевидную руку свою, и никто не уходилъ изъ церкви безъ его благословенія. Онъ, конечно, придавалъ значеніе такому общенію съ паствою и, можетъ быть, по наклонности ко всему таинственному (не покидавшей его до конца жизни) видѣлъ въ томъ нѣчто духовно-физическое.

Богословіе преподавалъ намъ Петръ Матвѣевичъ Терновскій, безъ всякаго одушевленія, грубымъ голосомъ и какъ-то аляповато. Вліяніе его на студентовъ уничтожалось при сравненіи съ другими профессорами, изъ которыхъ нѣкоторые читали чуть не со слезами объ Ульрихѣ Гуттенѣ, говорили про «эманципацію религіи», про «кровь, какъ необходимый цементъ» человѣческихъ содѣяній. Помню, какъ мы смѣялись надъ Терновскимъ, когда онъ закончилъ одно изъ своихъ чтеній словами: «Въ слѣдующую лекцію мы нанесемъ окончательный ударъ Вольтеру». (Позднѣе, назначенный приходскимъ священникомъ въ церковь Петра и Павла на Басманной, Терновскій проявилъ высокія пастыр-

скія качества; но съ этой стороны мы не знали его). Я плохо занимался у него и на экзаменѣ долженъ былъ провалиться; на мое счастье пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Филаретъ, и мнѣ достался билетъ о почитаніи храма Божьяго; я передъ тѣмъ только что читалъ объ этомъ въ проповѣдяхъ Филарета, поэтому отвѣчалъ почти его словами и конечно получилъ высшую отмѣтку. Съ тѣхъ поръ видалъ я митрополита только за обѣдиями, либо въ проѣзды его по улицамъ.

Богослуженіе совершалось у него отмѣнно стройно, звукъ не заглушалъ словъ, а (по его выраженію) содѣйствовалъ къ раскрытію слова, и никогда при немъ храмъ Божій не становился концертною залою. Однажды былъ я у его службы въ Пасхальную заутреню въ Успенскомъ соборѣ. Ему приходилось почтить кажденіемъ святые останки трехъ митрополитовъ Московскихъ. Онъ, слабый, изможденный, съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, словно безплотный направлялся отъ одного угла собора къ другому, а многочисленный сонмъ молящихся, съ возженными свѣчами, мгновенно разступался передъ нимъ, отвѣчая словами «воистину воскресе» на его пасхальное возглашеніе.

Только разъ случилось мнѣ подмѣтить слабую его сторону. Это было въ крестовой его на Троицкомъ подворьѣ. Его облачали. Обыкновенно это облаченіе оканчивалось тѣмъ, что стоявшій по лѣвую отъ него руку церковный чтецъ подавалъ ему тончайшій батистовый платокъ, которымъ онъ обтиралъ или вѣрнѣе обмахивалъ себѣ бороду и уста, и затѣмъ быстро отдавалъ платокъ чтецу, прямо въ книгу, которую тотъ закрывалъ. Чтецъ сдѣлалъ это какъ-то неловко; Филаретъ дернулся влѣво и такъ посмотрѣлъ на чтеца, что и я, стоявшій поблизости, чуть не испугался.

«Русскій Архивъ» сталъ я издавать за четыре года до кончины Филарета. Когда въ немъ начали появляться бумаги, касающіяся Сперанскаго, онъ обратилъ на него свое вниманіе. Его заняли также статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева о Лабзинѣ, къ которому нѣкогда, въ Петербургѣ онъ былъ близокъ. Я помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ мою некрологическую статью о М. А. Дмитріевѣ, и вслѣдъ затѣмъ митрополитъ выразилъ желаніе меня видѣть.

Добрѣйшій Николай Васильевичъ Сушковъ повезъ меня на Троицкое подворье. Оно, сравнительно съ теперешнею его обстановкою (устроенною митрополитомъ Макаріемъ), отличалось простотою, которая граничила почти что съ убожествомъ. На входной лѣстницѣ не было даже ковра. Единственнымъ украшеніемъ первой комнаты служило большое многолиственное дерево (Ficus elastica), въ родѣ Евангельской смоковницы. Полы не крашеные, кресла и стулья самые простые. Къ намъ вышелъ

во вторую комнату маленькій исхудалый человѣкъ въ черной ряскѣ и скуфейкѣ и, пригласивъ сѣсть на кресла, спросилъ меня: отчего вы нуждаетесь въ семъ пособіи? Это относилось къ моему костылю. Когда я сказалъ, какъ повредилась у меня въ дѣтствѣ нога, онъ сталъ говорить объ историческихъ изданіяхъ и, обращаясь къ Сушкову, спросилъ: зачѣмъ это Бодянскій (въ Чтеніяхъ Общества Исторіи) напечаталъ про Елисавету Петровну, что она рождена до брака своихъ родителей. «Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ». Понятно, что это было въ мой огородъ, и заступаться за Бодянскаго мнѣ не приходилось. Подробности о дальнѣйшей бесѣдѣ исчезли изъ моей памяти. Когда зашла рѣчь о Лабзинѣ, я позволилъ себѣ спросить (словами И. С. Аксакова), зачѣмъ прибѣгать съ задняго крыльца, когда по милости Домохозяина открыто и переднее. Не отвѣчая, Филаретъ заговорилъ о другомъ. Былъ онъ любезенъ, проводилъ до выхода въ первую (съ фикусомъ) комнату и когда я сказалъ, обращаясь къ Сушкову, какъ я ему благодаренъ за то, что онъ доставилъ мнѣ возможность наслушаться *рѣчей благоуханныхъ*, Филаретъ сказалъ: «Ахъ, это Пушкина»!—Мнѣ извѣстны и стихи вашего высокопреосвященства къ Пушкину.—«Тутъ была посредницею Елисавета Михайловна Хитрово». Не могу себѣ простить, что я не догадался спросить, былъ ли у него послѣ этихъ стиховъ Пушкинъ. Надо полагать, что былъ. А любопытно себѣ вообразить бесѣду этихъ людей, столь не похожихъ одинъ на другого, имѣвшихъ столь великое для насъ значеніе.

Это было осенью 1866 года. Зимою 1867 года стало извѣстно, что Государь Александръ Николаевичъ не только изволилъ читать «Русскій Архивъ», но и удостоиваетъ его нѣкоторыми сообщеніями, и когда я поѣхалъ къ митрополиту Филарету (на этотъ разъ уже одинъ), онъ принялъ меня съ отмѣнной ласкою, угостилъ чаемъ и продержалъ долѣе часу, и служителю своему, дважды приходившему о чемъ-то доложить, дѣлалъ рукою отрицательные знаки. Бесѣда шла по преимуществу о новой Русской исторіи. Онъ передавалъ мнѣ о дѣятельности митрополита Амвросія въ послѣдніе годы царствованія Павла Петровича и какъ Амвросій (тогда Казанскій архіепископъ) умѣлъ спасать церковь отъ іезуитскихъ козней патера Грубера. Когда рѣчь зашла о Карамзинѣ, я передалъ слышанное мною отъ князя П. А. Вяземскаго. Карамзинъ жилъ почти рядомъ съ княземъ С. М. Голицынымъ, и у нихъ былъ общій духовникъ. Карамзины говѣли и исповѣдывались у себя на дому. Когда чередъ дошелъ до Николая Михайловича: пойдемте, позавтракаемъ, сказалъ онъ исповѣднику, и позавтракалъ скоромнымъ. Духовникъ передалъ о томъ благочестивому князю, и тотъ прозвалъ Карамзина безбожникомъ. «Какой онъ забавный», сказалъ Филаретъ,

«вѣдь церковь молитъ Бога, чтобы у нея было поболѣе людей, какъ Карамзинъ. Для духовенства постъ обязателенъ, какъ примѣръ; но всякій постится по своему». Мнѣ было извѣстно отъ моего духовника, протоіерея Юлія Ивановича Некрасова, что когда онъ заболѣлъ, Филаретъ разрѣшилъ ему не соблюдать поста. Извѣстно также, что одной барынѣ, до изнуренія постившейся, онъ сказалъ: «Наложите постъ на вашъ постъ». Тогда же Филаретъ сказалъ мнѣ, что стояніе въ церкви имѣетъ значеніе для здоровья и служитъ противовѣсомъ постоянному пребыванію въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Филаретъ былъ въ это время на вершинѣ своей славы, государственнаго значенія и всеобщей извѣстности далеко за предѣлами Россіи. Имя его поминалось съ благоговѣніемъ на Востокѣ, проповѣди его появились во Французскомъ переводѣ Серпинэ, Адріанъ Ивановичъ Блюменталь перевелъ на Нѣмецкій языкъ его Православный Катихизисъ, Е. Ѳ. Тютчева готовила (съ помощью Англиканскаго въ Москвѣ пастора) Англійскій переводъ его избранныхъ проповѣдей. Свѣтская власть въ лицѣ князя В. А. Долгорукова преклонялась передъ нимъ. Онъ зналъ князя еще мальчикомъ въ Петербургѣ, гдѣ у отца князева была домовая церковь, въ которой служивалъ Филаретъ, будучи архимандритомъ. Онъ надзиралъ за обученіемъ князя, его братьевъ и сестеръ. Въ Москвѣ онъ ему говорилъ *ты*, и онъ былъ обезпеченъ въ своей борьбѣ съ старообрядцами (за нихъ передъ тѣмъ заступалась супруга генералъ-губернатора графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская, бабка которой была старообрядка и сама она иногда крестилась двуперстіемъ. Князь Владиміръ Андреевичъ передавалъ мнѣ, что однажды пріѣхалъ къ нему митрополитъ въ неурочный часъ и умиленно попросилъ исполнить то, о чемъ онъ ему скажетъ. «Я всю ночь не спалъ, узнавъ, что въ Большомъ театрѣ представляютъ драму Смерть Іоанна Грознаго, и тутъ ставится аналой». Князь немедленно послалъ за директоромъ театровъ, и аналой больше не появлялся на сценѣ.

Успокоенный въ своемъ положеніи Филаретъ сдѣлался мягче и къ старообрядцамъ. Однажды кто-то изъ священниковъ отозвался о нихъ рѣзко. «Перестань, перестань», сказалъ ему Филаретъ, «если бы не они, у насъ бы, пожалуй, водворилось лютеранство». Онъ зналъ, что оказываютъ лютеранству негласное покровительство и что въ Зимнемъ дворцѣ была Лютеранская кирка *), устроенная Петромъ III-мъ. Филаретъ возлагалъ большія надежды на единовѣріе. Мнѣ случилось два раза быть на его

*) На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ аптека.

службѣ для единовѣрцевъ при освященіи единовѣрческой церкви: на Рогожскомъ кладбищѣ и въ алтарѣ Успенскаго собора.

Императоръ Николай Павловичъ съ 1851 года пересталъ видѣть въ Филаретѣ затаеннаго противника своей власти; а было время, когда отношеніи обострялись. Министръ двора князь П. М. Волконскій разсказывалъ, что разъ Филаретъ и Государь встрѣтились на пути, одинъ изъ Петербурга въ Москву, другой изъ Москвы въ Петербургъ. Въ одной половинѣ станціоннаго дома былъ Филаретъ, въ другой Николай Павловичъ. Филаретъ просилъ князя узнать, что, такъ какъ тутъ высочайшее присутствіе, то не слѣдуетъ ли ему представиться. Князь пошелъ доложить. Государь очень громко сказалъ, что и въ городахъ онъ не желаетъ съ нимъ встрѣчаться. Дверь была не притворена, и Филаретъ услышалъ этотъ отзывъ. Но въ дни празднованія двадцатипятилѣтія своего царствованія въ Москвѣ Государь уже обходился съ Филаретомъ съ почтительностью и даже проводилъ его до лѣстницы послѣ обѣда въ Кремлевскомъ дворцѣ. Новые Государь и Государыня оказывали ему, можно сказать, благоговѣйное вниманіе. Александръ Николаевичъ вступилъ съ нимъ въ личную переписку. Марія Александровна пожелала имѣть его портретъ масляными красками въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ онъ былъ 26 Августа 1856 года. Ему посланъ былъ манифестъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ, на исправленіе и передѣлку; совѣтовались съ нимъ о судебномъ преобразованіи, при чемъ на заявленіе Государя о томъ, что это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по народной совѣсти, Филаретъ, указывая на икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ, что Пилатъ и Римское правительство Его оправдывали, а судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Вообще же относился онъ недовѣрчиво къ преобразованіямъ, которыя едва успѣвали оглашать газеты. Страннымъ казалось ему, что все въ Россіи подвергалось передѣлу, тогда какъ поставленъ въ Новгородѣ памятникъ ея тысячелѣтію, въ теченіе котораго сдѣлалась она шестою долею всего міра, слѣдовательно жила же чѣмъ-либо извнутри себя. Одному сановнику, говорившему, что духъ совершенствованія идетъ изъ Петербурга, Филаретъ возразилъ: «Какой духъ? Вѣдь Петербургъ не глядитъ на Россію прямо». Филарету былъ присланъ отъ Государя драгоцѣнный, осыпанный брилльянтами посохъ. Онъ не принялъ его въ собственность, а оставилъ въ ризницѣ Троицкой Лавры. Бѣсъ стяжательности, обыкновенно нападающій на духовныхъ лицъ во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, не смѣлъ къ нему подступаться; конверты съ денежными подношеніями за освященіе церквей

или за похороны, онъ иногда даже не распечатывалъ, а отдавалъ бѣднымъ. Разъ просили у него позволенія напечатать произнесенную имъ проповѣдь. «Чего же спрашивать?» отвѣчалъ онъ; «она произнесена, слѣдовательно ужъ не моя».

Н. П. Гиляровъ говаривалъ, что если бы Филаретъ получалъ полистную плату за то, что̀ было имъ написано, и отдано въ печать, у него накопились бы сотни тысячъ рублей; между тѣмъ его наслѣдникамъ досталось послѣ него весьма немногое. Его отношенія къ родственникамъ вызывали обвиненія въ такъ называемомъ непотизмѣ (тоже общемъ у всякаго духовенства), но сто̀итъ прочитать его письма къ нимъ, чтобы убѣдиться, что это клевета. Нѣкогда доходившій до жестокости во взысканіяхъ съ духовенства, сдѣлался онъ, къ концу жизни, снисходителенъ и нѣжно-попечительненъ къ нему. Самый слогъ его писаній пріобрѣлъ простоту и какую-то хрустальную ясность. Но до конца продолжалъ онъ быть остороженъ и оглядливъ. Лѣтомъ 1867 года, прямо съ Троицкаго подворья, навѣстилъ меня В. В. Скрипицынъ и сказывалъ, что въ бесѣдѣ съ Филаретомъ онъ упрекалъ его въ нерѣшительности и угодливости ко властямъ. «Кажется, сказалъ ему Филаретъ, мы страдаемъ избыткомъ покорливости».

19 Ноября 1867 г. въ Воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, Кремлевскій колоколъ возвѣстилъ Москвѣ, что не стало ея архипастыря. Въ это время Государь и его семейство, въ Царскомъ Селѣ, слушали чтеніе князя П. А. Вяземскаго, которое и было прервано пришедшею телеграммою о кончинѣ Филарета. Государь приказалъ немедленно отворить большую дворцовую церковь, всѣ пошли на панихиду, и Государь объявилъ, что онъ поѣдетъ въ Москву на похороны. Князь Вяземскій передавалъ мнѣ также, что и онъ разсчитывалъ въ царскомъ поѣздѣ съѣздить въ Москву, но по донесенію шефа жандармовъ, графа П. А. Шувалова, о трудности устроить въ Москвѣ надежную охрану (это былъ годъ покушенія Березовскаго) путешествіе было отмѣнено, и въ Москву отправился Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Въ 4 часа этого дня поѣхалъ я на подворье поклониться покойнику; но никого не пускали по распоряженію князя В. А. Долгорукаго (который позднѣе мнѣ сказывалъ, что пробылъ на подворьѣ до другого утра); я же отправился къ Сушковымъ, гдѣ и услышалъ о послѣднихъ словахъ Филарета (см. «Русскій Архивъ» нынѣшняго года, вып. 8-й, стр. 566)... П. Б.